

Михайлина Татьяна

9 класс, школа № 2 «Спектр», Бердск

Рецензия на спектакль «Онегин» (по роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»), НГАДТ «Красный факел»

«Человек, который хотел?»

Что мы знаем о Пушкине? А об «Онегине»? Пушкин – светило русской литературы, а «Евгений Онегин» – величайшее его творение. Все мы, будучи школьниками, учили пронизанные болью и надеждой письма героев, не могли смириться со смертью Ленского, переживали судьбоносные перипетии романа. Онегин. Его ненавидят. Им восхищаются. А что если реальность превратится в кинопавильон, заиграет хит Мадонны, а сам Евгений с татуировкой на спине будет рассуждать о человеческих отношениях на просторах фэйсбука? Такую дерзкую и экспериментальную постановку представляет новосибирский театр «Красный факел» и режиссёр Тимофей Кулябин.

Сибирский МХАТ, как называют «Факел», давно известен за пределами не только Сибири, но и России. Участник российских и международных фестивалей, двукратный лауреат премии «Золотая маска», «Онегин» – достояние не только театра, но и, по словам израильского критика Инны Шейхатович, всей страны. Зрителю предлагают отступить от всех канонов и погрузиться в души героев, обнаженные до предела.

«Пушкинского Онегина можно назвать «человеком, который хотел». Онегин Кулябина больше не хочет ничего», – так говорится в афише к спектаклю. И мы находим этому подтверждение, как только начинается действие. Жизнь Онегина (а его играет любимый не только новосибирской публикой Павел Поляков) максимально однообразна и циклична: его одевают, кормят, затем – бал, но даже там – бессменная пластинка с одним единственным немецким вальсом. Отдельный важный пункт стоит отвести

работе художника-сценографа Олега Головки, который в очередной раз сражает гениальной простотой, как в известном афоризме. Мы не видим на сцене атрибутов пушкинской эпохи: костюмы актеров не выражают определённых рамок, но тем не менее присутствует дух современности – это отсылка к идее о том, что происходящее не остаётся в одном отрезке времени. Все окружение Онегина безмолвно равнодушно выполняет ежедневную программу, нарушить которую невозможно. Ни разнообразие женщин в его постели, ни попытки рассмотреть мир через бокал вина, ничто уже не может внести глоток свежего воздуха в жизнь героя. «Русская хандра» во всем своем цвете, а точнее – бесцветии, пронизывает устоявшуюся систему, как и баритон Игоря Белозёрова (в его прочтении звучат главы из романа) пронизывает всё пространство зала, добираясь до самых потаённых струн сознания.

Действие перестает крутиться в форме рондо, когда Онегин открыто начинает презирать всё с ним происходящее: прерывает очередной бал, едва успевший начаться, отказывается от мелких пунктов в ежедневном ритуале. Судьба точно благоволит измученной однообразием душе: Евгений вынужден посетить деревню, где, как известно, разворачиваются сокрушающие события. Чтобы представить себе сельские просторы не нужны ни поля, ни огороды, ни домики с резными ставнями. Минимум элементарных визуальных изменений – и перед нами имение дяди Онегина и дом Лариных. Причём пространство организовано так, что комната героя расположена как будто за пределом основных событий, но и одновременно «живёт своей жизнью»: пока, например, Ленский нервничает перед будущей дуэлью, читает своё последнее, исполненное горечью, стихотворение, беседует с Зарецким, Онегин в дальнем углу сцены разогревает себе ужин, сидит за ноутбуком и пытается читать.

Поначалу смена обстановки не влияет на состояние героя: ему по-прежнему нечем увлечься. Всё вокруг так же глупо и больше скучно, как и в

столице, как и среди богемы. Настоящий эмоциональный взрыв буквально расплескивается по залу – на сцене Ленский (Сергей Богомолов) – неиссякаемый источник энергии: то, как горят его глаза – юные, влюбленные – видно, кажется, с последнего ряда. И мы не можем не верить ему – поверил даже Онегин, хотя и долго оставался отстранённым. Все свои поэтические всплески юноша отражает прямо там же, на стенах, с помощью мела. Он мечется от стены к стене, боясь упустить что-то важное, что-то такое хрупкое и летучее. Мел повсюду – это все наивные мечтания, которыми он беззаботно делится, в которые бросается с головой, не раздумывая. Серая, неприметная жизнь, заключённая в четыре таких же стены, со временем начинает преображаться под пламенным рвением Ленского. Стремление вверх и вперед – простые деревянные стулья, прыжки героев через которые под зажигательную песню «Jump» олицетворяют полёт души, вдохновение и веру в светлое будущее.

И тут появляются они, сёстры Ларины – такие родные друг другу, но такие разные. Первая – Ольга. Точнее так: первая – милая ножка в алой туфельке, та самая, о которой рассказывал Онегин, та самая, в которую влюблён Владимир Ленский. Нетрудно догадаться, чей образ использовала актриса Валерия Кручинина. Перед нами сама Мэрилин Монро: изящные локоны и то самое платье знаменитой кинодивы, которое игриво поддувается снизу. Все прожектора направлены на неё. Она безудержно смеётся, наслаждается вниманием окруживших её фотографов и, конечно, Ленского, который создает эффект дымки, раздувая мел, ни на шаг не отступает от обожаемой им кокетки и не знает, как ещё можно выразить своё восхищение красавицей.

Всё то, чего не кажешь о старшей (Дарья Емельянова). Её присутствие на сцене среди многочисленных помощников сестры остаётся незаметным до определённого момента. Максимально проста внешне – она прекрасна душой, переполнена самыми богатыми чувствами. Рядом Онегин – они

сближаются. Глаза девушки отражают всё то, что таит сердце. Молодые люди курят вместе, немного шутят, застенчиво улыбается Татьяна, с детским интересом слушает его сердцебиение. Евгений в свою очередь удивлён: он не готов к такому неожиданному откровению.

Один из кульминационных моментов, когда чувства воплем вырываются наружу – это написание Татьяной злосчастного письма. Её буквально разрывает от эмоций: от страха перед неизбежностью, от щемящего чувства вины, от любви, наконец. Наружу вырывается демон. Героиня безжалостно комкает бесчисленные листы, пишет, перечитывает, опять выбрасывает. Сама она, как зверёк, мечется по накренившемуся столу, будто не может на нём удержаться: здесь она лежит сверху, здесь встала, здесь она уже под столом – рвёт на себе волосы, дышит – через раз. И всё пишет. В один момент вырывается и окатывает себя с головы до ног водой из железного таза. Собравшись с мыслями, заканчивает – «страшно перечесть» в последний раз. Бережно подняв все листы, медленно, но не думая повернуть назад, подходит к онегинскому столу и «признаётся». Так же медленно, опустошённая, уходит. Все это время Онегин в затемнённом своём углу занимается обыденными делами.

Вскоре должно случиться роковое – дуэль. Противники, которые недавно друзья, сходятся по стульям, выстроенным в два ровных ряда. Два раза Ленский спускается с тропы вражды: не верит, не осознает. Заносит, наконец, ногу в последний раз – выстрел. «Убит», – как будто мимоходом сообщает Зарецкий (Георгий Болонев), секундант, харизматичный конфликтёр и опытный дуэлянт. Теперь осознание приходит к Онегину: он убил друга. Пока герой стоит, зажигается яркий, слепящий свет, как по задуманному сценарию появляются уже готовые люди со швабрами и в респираторных масках (можно подумать, бояться заразиться вирусом «ОНЕГИН_Е»), которые стирают в буквальном смысле зарисовки жизни поэта Владимира Ленского со всех стен. Мел оказывается так просто смыт

водой, так же, как легко в мире не стало одного человека. Онегин в ужасе кидается исправлять содеянное: сначала пытается бороться с бездушными уборщиками, потом сам пытается восстановить отрывки жизни, но вместо мела в руках у него камень, которым писать невозможно. Зарецкий «выплёскивает» на Онегина «всю правду» о нём самом из того же жестяного ведра, что некоторое время назад выплёскивало «безжалостную» воду на стены. А с каким бешенством Евгений, стоя на столе вместе с Ольгой перед гостями, исполнял тупую и злобную пародию на нежность друга, который уменьшался на глазах от ужаса перед увиденным. К слову, все массовые сцены исполняются группой одних и тех же лиц. Они и гости на именинах Татьяны, они и прислуга, среди них мы встречаем няню, Зарецкого, самого Ленского (как до событий в деревне, так и после дуэли). Круговорот людей в природе событий как бы напоминает о постоянной закономерности, действующей повсюду.

Всё время спектакля, а он длится почти 3 часа, в определённые моменты хочется ворваться в историю, обернуть происходящее, помочь, подсказать, подтолкнуть героев. Хотя действие не выходит за рамки сцены, граница между сценой и залом отсутствует и условно определяется только вовремя вспомненными правилами поведения. Световая работа (Денис Солнцев) построена так, что мысль о том, чтобы спокойно подбежать, обнять и утешить Татьяну, встряхнуть за плечи Ольгу, закричать: «Посмотри! Ты же его убиваешь!» и поднять упавшего, нет, ни за что не мёртвого, Ленского то и дело возникает сама собой.

Несомненно, производит впечатление задумка видеообращения Онегина. Когда Татьяна, полуразрушенная горем душа, приходит в дом Онегина, чтобы найти ответ на вопрос, кто он такой, она находит то, что подавляет её ещё больше. В эру видеоблогинга нам не кажется странным, что лучше всего понять человека получится, прибегнув к формату размышления на жизненные темы (любовь, карьера, успех) в социальных сетях и на

форумах. На экране отрывок из видеодневника Онегина, в нём он размышляет о возможностях любви, которые не считает широкими, ведь «ученые доказали, что любовь живёт три года, а затем начинает развиваться стадия деградации личности». Также он успешно развешивает ярлыки на окружающих его людей, в том числе и Татьяну. И только когда «исповедь» заканчивается, гаснет экран, мы видим, что в девушке, выслушавшей все эти цинично-мерзкие слова (именно такой оттенок приобретает все сказанное, глядя на муки героини), окончательно прервалось что-то, что отвечает за надежду и веру в чувство. Нет воодушевлённой молодой девочки, в которой расцвела любовь, есть маленький, съёжившийся зверёк, которого с пренебрежением пнули тяжёлым ботинком. Зверёк тоже скрывается. Вскоре вместо них всех – примерная жена, в которой чувство уважения к мужу сильнее сокрытой за семью печатями любви, да и на слово любовь – вето. Теперь, бывшая диковатая, таинственная, манящая девушка тоже заложница обстоятельств. Она в точности повторяет ритуал Онегина, который был представлен в экспозиции: те же люди, тот же немецкий вальс, только рядом не он, не Евгений Онегин. Рядом муж (Илья Музыка), нежный и заботливый.

«Письмо Онегина к Татьяне» происходит на уровне боли – бессловно. Онегин и Татьяна. Просто смотрят друг другу в глаза. И молчат. И любят. Все прерывает Таня: встаёт и уходит, не оборачивается – больно.

Перед зрителем – макет сидящего человека, чёрный каркас, заполненный чёрными лепестками. Онегин сам завершает процесс, давно развивавшийся в нём: с помощью тепловой пушки заставляет душевное содержание пустеть, разрушает свою личность до основания. Теперь он – никто, создание, окончательно лишённое всего, что наполняло его жизнь.

Этот спектакль не должен принадлежать определённой возрастной категории. Он зацепит (и уж точно долго не отпустит, если вообще отпустит) только тех, кто открыт новому в восприятии чувств, самых обыкновенных, но таких важных, что молчать о них больно, а говорить почему-то стыдно.

Важно умение воспринимать и анализировать происходящее, и тут уж вне зависимости от возраста. Спектакль-новатор. Но новаторство не в «осовременивании», не в «излишних постельных сценах», не в «отсутствии вееров и кринолинов». Оно в кричащем, вопящем и орущем до изнеможения чувстве. Слово чувства – это и есть определяющее, то, за чем надо идти на спектакль. Выход в свет дабы увидеть на сцене красивую, классическую историю «Жени Онегина, который испоганил жизнь девушке и убил своего друга, не забыв раскаяться» – примитивен и, скорее, подходит критикам эпохи сталинизма. С таким уровнем готовности можно сесть в огромную лужу при просмотре. Некоторые в таком случае задумываются, начинают анализ увиденного и приходят или не приходят к определённым выводам; другие предпочитают гневаться на сумасброда-режиссёра, «непушкинского Онегина», «накаченного психотропами Ленского» и «физически больную Татьяну с ошарашенными глазами, да ещё и (о, ужас) курящую».

История о том, как важно слышать друг друга и уметь понимать самого себя, – совсем не единственная, как в литературе, так и в работах Тимофея Кулябина. В каждом его спектакле так или иначе поднимается эта тема, будто чувства человеческие в конце концов бьют набат. Люди не хотят признаться в своих слабостях, в своих терзаниях и надеждах даже самим себе: проще отгородиться простейшей маской, сотканной из страха и нежелания. А каким был бы мир, если бы все научились слышать и понимать друг друга, желали ли бы это делать? Возможно ли это? Стоит ли хотеть и действовать? Или просто двигаться в программируемом потоке? Здесь ответ для каждого свой.